

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.521'33:316.647.8:37.018.556

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

Лингвистическая репрезентация гетеростереотипов в японском педагогическом дискурсе (на материале учебников по японскому языку для иностранцев)

Анна Владимировна Козачина¹, Юлия Александровна Базаева²

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ avkozachina@gmail.com

² bazaevayua@gmail.com

Аннотация

Феномен стереотипа привлек внимание широкого спектра гуманитарных наук в XX в. вследствие осознания влияния социокультурного контекста на индивида. В современной науке отмечается растущий интерес к изучению явления стереотипизации в педагогическом дискурсе, поскольку он при своей кажущейся объективности подвержен идеологическому влиянию и предполагает усвоение реципиентами информации, неизбежно транслирующей этнические и культурные стереотипы и предрассудки. В связи с этим возникает необходимость выявления и изучения идеологического наполнения в письменных образовательных материалах по иностранному языку. Описываются средства вербализации гетеростереотипов в учебных пособиях по японскому языку для иностранцев. Материалом исследования служат учебники по японскому языку для иностранцев начального и среднего уровня языковой подготовки. В качестве основных инструментов исследования использованы методы качественно-количественного, контекстуального и дискурсивного анализа, а также элементы лингвокультурологического анализа. На страницах учебников можно проследить репрезентацию элементов стереотипического образа иностранца при помощи различных языковых средств. На уровне лексики постулируется положительная характеристика внешнего облика, внутренних качеств и владения японским языком персонажей-иностранцев, находящихся в Японии. Наряду с этим употребляемые грамматические средства, пресуппозиция в предложениях и тематический подбор нарративов зачастую подчеркивают неполную интегрированность иностранцев в японское общество благодаря презумпции временного статуса персонажей-иностранцев в Японии. При этом иностранцы, особенно принадлежащие к западной культуре, нередко показаны совершающими коммуникативные ошибки, нарушающими нормы японского речевого этикета и доставляющими неудобство персонажам-японцам. Проведенный анализ позволяет выявить основные стереотипические черты образа иностранца в учебниках японского языка и языковые средства их репрезентации. Прослеживаемые закономерности выявляют противоречие между целенаправленной трансляцией открытости Японии по отношению к иностранцам и глубоко укорененным в японской культуре восприятием иностранца как «чужого».

Ключевые слова: стереотип, гетеростереотип, лингвокультурология, японский язык, педагогический дискурс, учебники японского языка

Для цитирования: Козачина А. В., Базаева Ю. А. Лингвистическая репрезентация гетеростереотипов в японском педагогическом дискурсе (на материале учебников по японскому языку для иностранцев) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 40–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

COMPARATIVE AND APPLIED LINGUISTICS

Linguistic representation of heterostereotypes in Japanese pedagogical discourse (based on the Japanese language textbooks for foreigners)

Anna V. Kozachina¹, Yuliya A. Bazayeva²

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ avkozachina@gmail.com

² bazaevayua@gmail.com

Abstract

In the 20th century, the phenomenon of stereotype started to attract wide scientific attention in the field of humanities, due to the occurred awareness of the influence of socio-cultural context on an individual. Nowadays we can see a growing interest in the research of stereotyping in pedagogical discourse, because while being seemingly unbiased, pedagogical discourse is subject to ideological influence and involves perception of information that inevitably transmits ethnic and cultural stereotypes and prejudices. That fact forms the necessity of detecting and researching the ideological content in written foreign language learning materials. The aim is to describe various ways in which heterostereotypes are verbalized in Japanese language textbooks for foreigners. The research is based on Japanese language textbooks for foreigners of elementary and intermediate level of proficiency. The major methods used are qualitative-quantitative, contextual and discourse analysis as well as some elements of linguocultural analysis. In the content of the analyzed textbooks we see the elements of stereotypical image of a foreigner represented by various linguistic means. On the vocabulary level, there are multiple positive characteristics of appearance, personality traits and Japanese language skills of the foreign characters residing in Japan. At the same time, grammatical structures, the existence of presupposition in some sentences, and the thematic selection of narratives often emphasize the insufficient level of integration of the foreign characters into Japanese society through the presumption of their temporary status in Japan. In addition, foreigners, especially Western culture bearers, are often shown making communicative mistakes, violating Japanese etiquette rules and causing trouble for Japanese characters. The analysis demonstrates main stereotypical features of the image of a foreigner in Japanese textbooks and the ways of their linguistic representation. Established patterns reveal the contradiction between the intentional transmission of the message of Japan's openness towards foreigners and the perception of a foreigner as a member of the "out-group" that is deeply rooted in Japanese culture.

Keywords: stereotype, heterostereotype, linguoculturology, Japanese language, pedagogical discourse, Japanese language textbooks

For citation: Kozachina A. V., Bazayeva Y. A. Linguistic representation of heterostereotypes in Japanese pedagogical discourse (based on the Japanese language textbooks for foreigners) [Lingvisticheskaya reprezentatsiya geterostereotipov v yaponskom pedagogicheskom diskurse (na materiale uchebnikov po yaponskomu yazyku dlya inostrancev)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 40–47 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

Введение

Стереотипные представления о своих и чужих культурных феноменах наблюдаются на протяжении всей истории человечества. В современном мире они остаются немаловажным фактором, конституирующим межкультурное взаимодействие различных языковых сообществ.

Особое место в современной науке отведено изучению стереотипов и процессу стереотипизации в дискурсе, поскольку тот базируется на комплексе культурных и ценностных доминант того или иного лингвокультурного сообщества. Многочисленные социолингвистические и дискурсивные исследования, направленные на выявление способов и средств установления контроля и воспроизводства власти [1–3], демонстрируют идеологическую ан-

гажированность различных дискурсов, ввиду чего те становятся трансляторами в том числе и стереотипных предубеждений представителей той или иной лингвокультуры относительно других этносов (рас). К таким мы относим и педагогический дискурс [4–6], который, являясь «средством хранения, передачи и регуляции знания» и ««эталоном» для построения локальных дискурсивных практик» [7, с. 28], предполагает усвоение реципиентом «определенных текстов, предписываемых властными институтами» [8, с. 32], а потому отражает результаты влияния идеологии «на языковую политику в системе образования» [9, с. 12].

Термин «стереотип» был введен в научный оборот американским публицистом У. Липпманом в 1922 г. Ученый пришел к выводу, что в сознании

человека складываются представления в том числе и о тех явлениях действительности, которые не основаны на его личном опыте, но возникают у него опосредованно из культурного контекста. Такие представления он и называл *стереотипами* [10, с. 97]. На сегодняшний день феномен стереотипа стал предметом обширных исследований в языкознании: в контексте лингвокультурологии [11, 12], когнитивной лингвистики [13, 14] и др.

Настоящее исследование базируется на изучении стереотипа с позиции лингвокультурологии, в рамках которой В. В. Красных под стереотипом понимает «структуру ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей в его национально-культурной маркированности» [15, с. 178].

Стереотипы принято делить на *автостереотипы* и *гетеростереотипы* [16, с. 14; 17, с. 108; 18, с. 136]. В отличие от *автостереотипа*, который отражает представление национально-культурной общности о себе самой, *гетеростереотип* – это «обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих другой народ» [17, с. 108]. Усвоение гетеростереотипов происходит не только в результате контакта с представителями различных народов, но и из СМИ, художественной литературы и т. п. [14, с. 79].

Е. Л. Вилинбахова, анализируя существующие модели репрезентации стереотипов в русском языке, приходит к выводу, что вербально стереотипы могут актуализироваться средствами всех компонентов языка [19, с. 60]. В качестве классификации выявленных стереотипических признаков образа иностранца исследователь предлагает следующие категории: внешний облик; внутренние качества; социальное положение; знание языка страны пребывания; поведение [19, с. 150].

Опираясь на данную модель, в рамках настоящей статьи предпринимается попытка анализа средств вербализации гетеростереотипов в педагогическом дискурсе.

Материал и методы

Важную роль в процессе контроля над дискурсом, в особенности – педагогическим, играет письменный модус, поскольку, как отмечает Т. А. ван Дейк, «в большинстве случаев он лучше контролируется» [3, с. 76]: занятия в школах не могут проходить без учебников, образовательных и рабочих программ и других письменных материалов. Как справедливо отмечает С. В. Первухина, написание доступных для восприятия и понимания текстов является в том числе лингвистической проблемой, требующей тщательного анализа, теоретического осмысления и разработки методов решения [20, с. 43].

Нередко в фокусе внимания современных ученых оказывается содержание учебников для изучения иностранного языка [21–23]. Так, по мнению С. Л. Курдт-Кристиансен и К. Венингер, тексты языковых учебников не являются «нейтральными источниками информации», но их кажущаяся «безобидность» и объективность могут приводить к некритичному восприятию их идеологического наполнения [22, с. 2–4]. Как следствие, учебники не избавлены от трансляции гендерных, этнических и культурных предрассудков и стереотипов, субъективных представлений авторов-составителей о том, что является нормальным и правильным [21, с. 43–44]. На определенном этапе учебник может являться для учеников основным источником информации о языке и культуре страны, что ввиду субъективности подбора материала может лингвистическими средствами имплицитно или эксплицитно вызвать у учеников чувство «отчужденности», противопоставления «мы–они» [22, с. 4]. Данные факторы обуславливают причины потребности в анализе содержания учебников иностранного языка и выявлении заключенных в нем скрытых смыслов.

В фокусе настоящего исследования находится корпус текстов учебников по японскому языку для иностранцев. Материал был отобран по следующим критериям:

- аутентичность (авторами являются японцы, учебное пособие издано в Японии);
- актуальность (учебное пособие издано в период с 1989 по 2022 г.);
- лингвистическая содержательность (в тексте учебников присутствуют такие жанры, как нарративы с участием персонажей-иностранцев, высказывания в форме личного мнения персонажей-японцев об иностранцах).

В соответствии с этими критериями было отобрано 10 учебников, рассчитанных на начальный и средний уровень владения языком, общим объемом более 2 400 страниц, в том числе такие популярные учебники, так *みんなの日本語* («Японский язык для всех»), *つなぐにほんご* («Объединяющий японский язык»), *まるごと* («Все вместе») и др.

В качестве основных инструментов исследования в настоящей статье использованы методы качественно-количественного, контекстуального и дискурсивного анализа, помогающие выявить стереотипические черты образа. Также применяются элементы лингвокультурологического анализа, помогающие установить связь между текстом учебников и характерными особенностями японской культуры и менталитета.

Результаты и обсуждение

Прежде всего мы проанализировали номинации понятия «иностранец». При помощи толковых словарей и корпуса японского языка было установле-

Национальная принадлежность персонажей-иностранцев

Регион происхождения	Национальность	Количество
Восточная Азия	中国人 китаец	15
	韓国人 кореец	9
Юго-Восточная и Центральная Азия	タイ人 таец	7
	インド人 индиец	4
	インドネシア人 индонезиец	4
	フィリピン人 филиппинец	2
	マレーシア人 малазиец	1
	ネパール人 непалец	1
	ベトナム人 вьетнамец	1
	シンガポール人 сингапурец	1
Европа, Америка и Австралия	ブラジル人 бразилец	6
	アメリカ人 американец	5
	ドイツ人 немец	3
	イギリス人 англичанин	2
	フランス人 француз	2
	ロシア人 русский	2
	カナダ人 канадец	2
	オーストラリア人 австралиец	1
メキシコ人 мексиканец	1	
Африка	ケニア人 кениец	1

но, что доминантной лексемой является 外国人/гайкокудзин/, как наиболее частотное (4 366 единиц в корпусе японского языка BCCWJ) и стилистически нейтральное (основу зоны интенционала этой лексемы составляют следующие признаки: отсутствие гражданства или подданства на территории определенного государства; нахождение на территории этого государства) слово.

Анализ употребления лексем в корпусе текстов учебников показал, что 外国人 – единственное существительное со значением «иностранец», фигурирующее в рассматриваемых учебниках. Настоящий факт обуславливается потребностью в наиболее общей номинации совокупности персонажей различной национальной принадлежности, не являющихся японцами. Употребления стилистически окрашенных синонимов (外人 /гайдзин/, 異人 /идзин/ и т. д.) отмечено не было, что объясняется принадлежностью к письменному педагогическому дискурсу.

Данные по национальной принадлежности персонажей-иностранцев по материалам учебных пособий, в которых она была эксплицитно обозначена, были сведены в следующую таблицу.

Из полученных данных следует, что национальный состав персонажей, фигурирующих в учебных пособиях, довольно широк. При этом наблюдается преобладание отдельных национальных групп: так, наиболее часто на страницах учебника фигурируют представители Восточной и Юго-Восточной Азии (преобладают персонажи-китайцы и корейцы). Большинство европейцев являются гражданами крупных западноевропейских стран, таких как Великобритания, Франция и Германия.

Однако типичные представители европеоидной расы для составителей учебников – это в первую очередь не европейцы, а граждане США и Бразилии. Представители народов Африки, за единственным исключением, не представлены.

Что касается **внешности персонажей-иностранцев**, в исследованном материале постулируется утверждение об их красоте, что проявляется при помощи: *оценочных прилагательных с положительной коннотацией* (美しい /уцукусии/ «красивый», かわいい /кавайи/ «прелестный»); *описательных прилагательных* (背が高い /сэ га такаи/ «высокий», 目が大きい /мэ га оокии/ «большеглазый»); *прилагательных-англицизмов* (ハンサム /хансаму/ – «привлекательный»); *псевдоанглицизмов* (イケメン /икэмэн/ – «красавчик», от яп. жарг.: イケてる /икэтэру/ – «привлекательный» и англ. «man» – мужчина).

Внутренние качества персонажей-иностранцев репрезентируются на уровне *лексики* при помощи качественных прилагательных преимущественно положительной коннотации (優しい /ясаии/ «добрый», 楽しい /таносии/ «веселый», 元気な /гэнкина/ «энергичный»).

В редких случаях по отношению к персонажам-иностранцам мужского пола употребляются прилагательные с отрицательной коннотацией (怖そう /ковасо:на/ «пугающий с виду», 厳しそう /кибисисо:на/ «строгий с виду»), что свидетельствует о том, что иностранцы могут оставлять у японцев пугающее впечатление. Однако в рассматриваемых учебниках за подобным утверждением следует постулирование положительных качеств, которые преподносятся как более значимые:

シュミットさんは写真で見ると、怖そうですが、話してみると、とてもやさしい人だそうです。

Если судить по фотографии, Шмидт выглядит пугающе, но я слышал, что, если с ним поговорить, окажется, что он **очень добрый человек**.

Социальный статус персонажей-иностранцев на уровне грамматики выражен в виде стереотипа о финансовом неблагополучии персонажей-иностранцев, необходимости экономить и брать деньги в долг:

ノーイ：ねえ、1000円貸して。

マリア：ごめん。1500円しか持ってないから、ちょっと無理。

ノイ： Слушай, одолжи 1000 йен.

Мария: Извини. У самой **кроме 1500 йен ничего нет**, поэтому не получится.

В данной ситуации стесненные финансовые обстоятельства подчеркиваются ограничительным оборотом *しか~ない* («нет... кроме»), особенностью которого является то, что, кроме ограничительных свойств, он также несет в себе оттенок несоответствия ожиданию, указывая на то, что количество чего-то меньше, чем говорящий ожидал и хотел бы [24, с. 450].

На синтаксическом уровне подчеркивается временное пребывание персонажа-иностранца в Японии, его гостевой статус, что проявляется имплицитно в пресуппозиции вариаций вопросительных предложений со значением «Когда вы возвращаетесь на родину?» (*いつ国へお帰りしますか*). На наличие пресуппозиции в данном случае указывают вопросительное слово *いつ* /ицу/ («когда?») и глагол *帰る* /каэру/ («возвращаться домой»).

Знание японского языка и успехи иностранцев в его изучении чаще всего вербализуются в учебниках с помощью глаголов в потенциальном залоге (*できる* /дэкиру/ «мочь»): *日本語の本を読むことができる* («**может читать книги на японском языке**»); лексем семантического поля «умелый» (*上手* /дзэ:дзу/, *得意* /токуи/): *ミラーさんは日本語が上手になりました* («**Г-н Миллер хорошо овладел японским языком**»). При этом заслуживает внимания тот факт, что высказывания, содержащие в себе лексему *上手*, в японском языке относятся к категории речевых актов *ほめ言葉* /хомэкотаба/ («похвала/комплимент»), которые выполняют функцию инициирования коммуникации или укрепления взаимоотношений [25, с. 45] и, соответственно, используются японцами чаще в качестве продуманной «стратегии успешного делового общения», чем искреннее восхищение умениями собеседника [26, с. 59]. Персонажи-иностранцы в учебниках не всегда проявляют в подобных ситуациях ожидаемый уровень скромности:

– 日本語が上手ですね。どのぐらい勉強しましたか。

– 4年勉強しました。

– *Вы так хорошо говорите по-японски. Как долго вы его учили?*

– Я учил его 4 года.

В этом примере иностранец сразу переходит к ответу на вопрос, что выглядит как принятие комплимента за должное. Более приемлемой была бы, например, следующая фраза: «Я изучал его 4 года, но мне все еще есть чему поучиться».

В поведении иностранцев в Японии прослеживается тенденция к совершению ошибок, что актуализируется имплицитно – посредством подбора ситуаций. На страницах учебников персонажи-иностранцы: опаздывают (11 ситуаций), ломают, теряют и забывают вещи (5), нарушают нормы поведения в японском обществе (12), правила пользования предметами (4). Здесь важно подчеркнуть, что в учебных пособиях попадают в подобные ситуации только персонажи-иностранцы, персонажи-японцы ошибок не совершают. Таким образом имплицитно постулируется: иностранцы относятся к категории *外* /сото/, то есть находятся вне контекста японской действительности.

В связи с этим наиболее ярко выражены ошибки коммуникативного поведения иностранцев с точки зрения японской лингвокультуры: «самовозвышение», «самооправдание», прямой отказ, не-умение «чувствовать атмосферу». Примечательно, что данный стереотип в большей мере характерен для персонажей – представителей западной лингвокультуры.

Так, умение принести извинения является важной частью японского делового дискурса. От сотрудника фирмы как основного актора ожидается, что за совершенной ошибкой последует эксплицитно выраженное извинение без оправданий. Как пишет А. Вежбицкая, в японской лингвокультуре сам факт причинения неудобства считается достаточным поводом для извинения, а оправдываясь, человек имплицитно передает смысл «я не сделал ничего плохого, а, следовательно, не несу ответственность», что негативно воспринимается в деловой среде [27, с. 659].

В качестве примера «самооправдания» рассмотрим диалог между сотрудником-американцем и начальником-японцем, где американец опаздывает на работу:

中村課長：ミラーさん、どうしたんですか。

ミラー：実は来る途中で、事故があって、バスが遅れてしまったんです。

Начальник отдела Накамура: Что случилось, Миллер?

Миллер: Дело в том, что на дороге произошла авария, и автобус пришел поздно.

Здесь американец оправдывает свое опоздание внешними причинами. При этом он пользуется такими синтаксическими конструкциями, как экспрессивная частица *ん* /н/ в сочетании со служебным глаголом *です* /дэсу/, подчеркивающим эмоци-

ональное состояние говорящего [24, с. 470], вспомогательный глагол *しまう* /симау/, имеющий коннотацию нежелательности произошедшего для говорящего [24, с. 329].

Выслушав оправдания, начальник произносит фразу *みんな心配していたんです* («мы же все волновались»), которая в данном случае является имплицитным обвинением и косвенно передает, что оправдания опоздавшего неуместны, потому что суть проступка заключается в том, что он доставил всем неудобство, заставил волноваться и должен нести за это ответственность. Опоздавший же, вероятно, не распознает заложенного в ответе начальника намек и поэтому продолжает оправдываться:

電話したかったんですが、ケータイを打ちに忘れてしまって...

Я хотел позвонить, но забыл телефон дома...

К числу нередко встречающихся нарушений японского этикета можно также отнести столкновение западного принципа «самовозвышения» и японского принципа «самоуничтожения». В лингвострановедческой литературе отмечается негласное правило, в соответствии с которым в японском обществе считается неуместным и нескромным соглашаться с комплиментом в свою сторону и принимать его [27, с. 667].

Продемонстрируем проявление «самовозвышения» у персонажа – представителя западной культуры в диалоге между японкой и британцем, работающими в университете:

大学職員：本もきちんと並べてあるし…。整理するのが上手なんですね。

ワット：昔「上手な整理の方法」と言う本を書いたことがあるんです。

Сотрудница университета: У вас и книги аккуратно расставлены... Похоже, вы **очень хорошо умеете убираться**.

Ватт: Когда-то я даже написал книгу, которая называлась «Руководство по **искусной** уборке».

Здесь персонаж-британец не только не опровергает комплименты насчет своего умения хорошо убираться, но и сам его хвалит. Так, переводя название своей книги, он употребляет полупредикативное прилагательное *上手な* /дзэ:дзуна/ («мастерский, искусный»), которое по нормам японского языкового этикета не употребляется по отношению к собственным достижениям именно по причине содержащегося в нем оттенка похвалы, о котором было сказано ранее.

Таким образом, мы установили, что репрезентация гетеростереотипов в учебниках японского языка проявляется на *лексическом, грамматическом,*

синтаксическом и текстовом уровнях. Были выявлены следующие способы репрезентации стереотипов: употребление оценочных и описательных признаков; противопоставления; сравнительные обороты; подача стереотипа в пресуппозиции; подбор ситуаций, косвенно фиксирующих стереотип.

Стереотип иностранца, конституируемый посредством рассмотренных учебных материалов, можно охарактеризовать как дружественный, лишенный острых углов и непривлекательных черт, однако воспринимаемый в рамках японской лингвокультуры как отличный от ее типичных представителей, «другой», доставляющий неудобства. Наиболее полно это проявляется за счет ситуаций, в которых имплицитно демонстрируется, что персонажи-иностранцы плохо разбираются в японском речевом этикете, они прямолинейны, склонны возвеличивать себя и оправдываться, часто совершают ошибки, не пунктуальны. Примечательно, что вышеперечисленное характерно как для персонажей-представителей западной культуры, так и для представителей восточной культуры, однако представители западной культуры демонстрируют незнание речевого этикета в японском педагогическом дискурсе чаще.

Заключение

Проведенный анализ позволил выделить основные характеристики стереотипа иностранца в японском педагогическом дискурсе, а также описать языковые средства их вербализации в тексте учебников по японскому языку для иностранцев. Установление факта идеологической ангажированности педагогического дискурса приводит к тому, что с конца XX в. учебные пособия по иностранному языку нередко оказываются в центре внимания лингвистов, социологов и культурологов, исследующих идеологическое наполнение и стереотипизацию в отношении других культур, этносов, рас и т. п.

Настоящее исследование показало, что для авторов рассмотренных учебников типичный иностранец – это в первую очередь носитель азиатской и западноевропейской культур. На уровне лексических средств формируется положительный образ, однако несмотря на общую позитивную окраску, на грамматическом, синтаксическом и текстовом уровнях прослеживается влияние оппозиции «свой–чужой». Это проявляется, в частности, в репрезентации иностранцев как интересных, но доставляющих неудобства и зачастую неуместно себя ведущих гостей в Японии.

Список литературы

1. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. Essex: Longman Group Limited, 1995. 265 p.
2. Gilbert W., Wodak R. Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity. Hampshire; N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2003. 321 p.
3. Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.

4. Bernstein B. *Class, Codes and Control: The Structuring of Pedagogic Discourse*. N.Y.: Routledge, 2003. 204 p.
5. Kubota R., Lin A. *Race, Culture, and Identities in Second Language Education: Exploring Critically Engaged Practice*. N.Y.: Routledge, 2009. 322 p.
6. Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
7. Кожемякин Е. А. Образовательно-педагогический дискурс // Современный дискурс-анализ: типы дискурсов: теоретические описания. 2010. № 2. С. 27–46.
8. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 25–33.
9. Кобылкина Е. В., Кобенко Ю. В. Проблемы и противоречия языковой политики в российском образовании в контексте мировых глобальных процессов // Языковое образование в современном цифровом пространстве: материалы Международной научно-практ. конф., Хабаровск, 11–12 ноября 2021 г. Хабаровск: Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 2021. С. 10–14.
10. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
11. Стаурская Н. В. Языковая репрезентация лингвокультурного стереотипа как средства портретизации персонажа (на материале произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2017. 238 с.
12. Некрасова А. Е. Дискурсивный анализ высказываний, отражающих стереотипы взаимовосприятия англичан и французов (на материале качественной британской и французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 115 с.
13. Косяков В. А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 23 с.
14. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
16. Орлова О. Г. Дискурсивная теория стереотипа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2013. 34 с.
17. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
18. Сорокина Н. В. Методологическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе // Язык и культура. 2013. Т. 23, № 3. С. 120–139.
19. Вилинбахова Е. Л. Модели репрезентации стереотипов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 209 с.
20. Первухина С. В. Механизмы адаптации текста в учебно-педагогическом дискурсе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2019. № 6 (139). С. 43–46.
21. Bori P. *Language textbooks in the era of neoliberalism*. London; N.Y.: Rutledge, 2018. 205 p.
22. Kurt-Cristiansen X. L., Weninger C. *The politics of textbooks in language education*. London; N.Y.: Rutledge, 2015. 241 p.
23. Risager K. *Representations of the world in language textbooks*. Bristol: Multilingual Matters, 2018. 516 p.
24. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 60 с.
25. 平田真美. ほめ言葉への返答. 横浜: 横浜国立大学留学生センター紀要, 1999. № 6. Р. 38–47 (Хирата Маами. Ответы на комплименты // Известия Международного студенческого центра Государственного университета Йогогама, 1999. № 6. С. 38–47.)
26. Гончар М. С. Пожелание и комплимент как национально ориентированные речевые тактики в речи русских и представителей Восточной Азии на русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 166 с.
27. Вежибicka А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

References

1. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Essex: Longman Group Limited. 1995. 265 p.
2. Gilbert W., Wodak R. *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. Hampshire; N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2003. 321 p.
3. Dijk T. A. *Discourse and power*. London: Palgrave, 2008. 320 p. (Russ ed.: Deyk T. A. Diskurs i vlast'. Reprerentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 342 p.).
4. Bernstein B. *Class, Codes and Control: The Structuring of Pedagogic Discourse*. N.Y.: Routledge, 2003. 204 p.
5. Kubota R., Lin A. *Race, Culture, and Identities in Second Language Education: Exploring Critically Engaged Practice*. N.Y.: Routledge, 2009. 322 p.
6. Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
7. Kozhemyakin E. A. Obrazovatel'no-pedagogicheskiy diskurs [Educational and pedagogical discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz: tipy diskursov: teoreticheskiye opisaniya – Modern discourse analysis: types of discourses: theoretical descriptions*, 2010, no. 2, pp. 27–46 (in Russian).
8. Karasik V. I. Struktura institutsional'nogo diskursa [Structure of institutional discourse]. *Problemy rechevoy kommunikatsii. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of speech communication. Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, 2000. Pp. 25–33 (in Russian).

9. Kobylkina E. V., Kobenko Y. V. Problemy i protivorechiya yazykovoy politiki v rossiyskom obrazovanii v kontekste mirovykh global'nykh protsessov [Problems and contradictions of language policy in Russian education in the context of global processes]. *Yazykovoye obrazovaniye v sovremennoy tsifrovom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Khabarovsk, 11–12 noyabrya 2021 g.* [Language education in the modern digital space: the international scientific and practical conference proceedings, Khabarovsk, November 11–12, 2021]. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University Publ., 2021. Pp. 10–14 (in Russian).
10. Lippmann W. *Public opinion*. New York: Free Press, 1997. 288 p. (Russ. ed.: Lippman U. Obshchestvennoe mnenie: per. s ang. T. V. Barchunovoy. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye» Publ., 2004. 384 p.).
11. Stauraskaya N. V. *Yazykovaya reprezentatsiya lingvokul'turnogo stereotipa kak sredstva portretizatsii personazha (na materiale proizvedeniy U. S. Moema, O. Khakli i I. Vo)*. Dis. kand. filol. nauk [Linguistic representation of a linguocultural stereotype as a means of portraying a character (based on the works of W. S. Maugham, A. Huxley and E. Waugh). Diss. cand. of philol. sci.]. Omsk, 2017. 238 p. (in Russian).
12. Nekrasova A. E. *Diskursivnyy analiz vyskazyvaniy, otrazhayushchikh stereotipy vzaimovospriyatiya anglichan i frantsuzov (na materiale kachestvennoy britanskoy i frantsuzskoy pressy)*. Dis. kand. filol. nauk [Discursive analysis of statements reflecting stereotypes of mutual perception of the British and the French (on the material of British and French quality press). Diss. cand. of philol. sci.]. Moscow, 2009. 115 p. (in Russian).
13. Kosyakov V. A. *Stereotip kak kognitivno-yazykovoy fenomen (na materialakh SMI, posvyashchennykh voyne v Irake)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Stereotype as a cognitive and linguistic phenomenon (on the materials of mass media about the Iraq War). Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Irkutsk, 2009. 23 p. (in Russian).
14. Prokhorov Yu. E. *Natsional'nyye sotsiokul'turnyye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow, LKI Publ., 2008. 224 p. (in Russian).
15. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. Moscow, ITDGK Gnozis Publ., 2002. 284 p. (in Russian).
16. Orlova O. G. *Diskursivnaya teoriya stereotipa*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Discursive Theory of Stereotype. Abstract of thesis doct. of philol. sci.]. Kemerovo, 2013. 34 p. (in Russian).
17. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: uchebnoye posobiye* [Linguoculturology: a textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
18. Sorokina N. V. Metodologicheskaya tipologiya stereotipov kak komponent sodержaniya obucheniya inostrannym yazykam v vuze [Methodological typology of stereotypes as a component of educational content in teaching foreign languages at universities]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2013, vol. 23, no. 3, pp. 120–139 (in Russian).
19. Vilinbakhova E. L. *Modeli reprezentatsii stereotipov v russkom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Models of stereotype representation in Russian language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2011. 209 p. (in Russian).
20. Pervukhina S. V. Mekhanizmy adaptatsii teksta v uchebno-pedagogicheskom diskurse [Mechanisms of text adaptation in educational discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Volgograd State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 6 (139), pp. 43–46 (in Russian).
21. Bori P. *Language textbooks in the era of neoliberalism*. London and N.Y.: Rutledge, 2018. 205 p.
22. Kurdt-Cristiansen X. L., Weninger C. *The politics of textbooks in language education*. London and NY: Routledge, 2015. 241 p.
23. Risager K. *Representations of the world in language textbooks*. Bristol, Multilingual Matters, 2018. 516 p.
24. Alpatov V. M., Arkad'yev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. Kniga 1* [Theoretical grammar of the Japanese language. Book 1]. Moscow, Natalis Publ., 2008. 60 p. (in Russian).
25. Hirata M. Otvetny na komplimenty [Compliment responses]. *Izvestiya Mezhdunarodnogo studencheskogo tsentra Gosudarstvennogo universiteta Yokogama – Yokohama National University International Student Center Bulletin*, 1999, no. 6, pp. 38–47 (in Japanese).
26. Gonchar M. S. *Pozhelaniye i kompliment kak natsional'no oriyentirovannyye rechevyye taktiki v rechi russkikh i predstaviteley Vostochnoy Azii na russkom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Wishing and complimenting as ethnically oriented speech tactics in the speech of Russians and East Asians in Russian language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2018. 166 p. (in Russian).
27. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford University Press, 1996. 512 p. (Russ. ed.: Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 780 p.).

Информация об авторах

Козачина А. В., кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Базаева Ю. А., студент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the authors

Kozachina A. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Bazaeva Y. A., undergraduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 14.11.2022; accepted for publication 17.03.2023